

ПОЛИТОЛОГИЯ

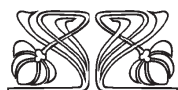
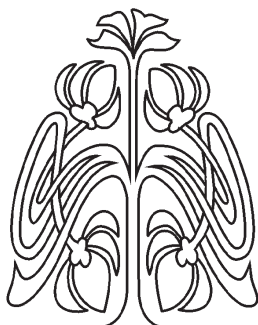
Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 184–194

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 184–194

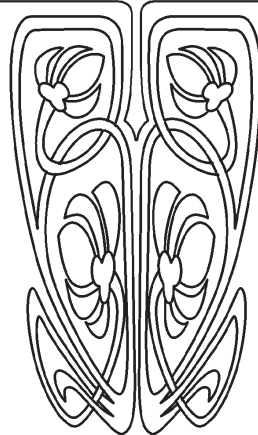
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2026-26-2-184-194>

EDN: NEFENU

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Научная статья
УДК 32.019.52

Четыре года СВО: динамика изменения отношения молодежи (в контексте медийных практик)

А. А. Казаков

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Казаков Александр Александрович, доктор политических наук, профессор кафедры политических наук, aldr.kazakov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3140-0977>

Аннотация. Специальная военная операция за четыре года ее проведения успела стать важнейшим фактором, влияющим не только на политические, экономические, технологические и сугубо военные процессы, но и на повседневную жизнь граждан России и Украины. Несмотря на то, что конфликт длится уже дольше, чем, например, Великая Отечественная война, далеко не все его аспекты успели получить достаточно внимания ученых. Одним из таких вопросов является отношение к спецоперации со стороны российской молодежи. В этой связи в данной статье представлены результаты исследования динамики восприятия СВО молодыми людьми в период с марта 2022 г. по январь 2026 г. Отдельно обсуждаются причины, обусловившие специфичность отношения молодежи к происходящему, и способы повышения уровня лояльности данной возрастной группы к принимаемым в настоящий момент политическим решениям в контексте СВО. Эмпирическую базу анализа составили результаты ежемесячных федеральных опросов, а также самостоятельно проводившихся автором и его коллегами на протяжении 2022–2025 гг. онлайн-анкетирований ($n = 5659$) и серии фокус-групповых интервью ($n = 144$). Выяснилось, что уровень внимания и поддержки СВО со стороны молодежи в целом ниже, чем у людей более старшего возраста, а степень убежденности в необходимости начала мирных переговоров для урегулирования конфликта, напротив, выше. Причинами такого отношения могут быть присущие молодым людям особенности медиапотребления, укорененность в российском обществе западных ценностей и имевший место кризис системы образования и воспитания подрастающего поколения.

Ключевые слова: молодежь, специальная военная операция, СВО, Россия, Украина, медиапрактики, медиапотребление

Для цитирования: Казаков А. А. Четыре года СВО: динамика изменения отношения молодежи (в контексте медийных практик) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 184–194. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2026-26-2-184-194>, EDN: NEFENU

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Four years of special military operation: Dynamics of changing youth attitudes (in the context of media practices)

A. A. Kazakov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Alexander A. Kazakov, aldr.kazakov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3140-0977>

Abstract. Over the four years of its implementation, special military operation has become a crucial factor influencing not only political, economic, technological, and purely military processes, but also the daily lives of citizens of Russia and Ukraine. Despite the fact that the conflict has lasted longer than, for example, the Great Patriotic War, not all of its aspects have received sufficient scholarly attention. One such issue is the attitude of Russian youth toward the special operation. In this regard, this article presents the results of a study on the dynamics of young people's perceptions of SMO from March 2022 to January 2026. The factors that determine the specific attitudes of young people to the current situation and ways to increase the level of loyalty of this age group to the political decisions currently being made in the context of SMO are separately discussed. The empirical basis of the analysis consists of the results of monthly federal surveys, as well as surveys independently conducted by the author and his colleagues from 2022 to 2025. Online surveys (n = 5659) and a series of focus group interviews (n = 144) revealed that young people generally expressed lower levels of attention and support for SMO than older adults, while their belief in the need for peace negotiations to resolve the conflict was higher. This attitude may be due to the media consumption patterns of young people, the ingrained nature of some Western values in Russian society, and the crisis in the education system and the upbringing of the younger generation that took place in the recent past.

Keywords: youth, special military operation, SMO, Russia, Ukraine, media practices, media consumption

For citation: Kazakov A. A. Four years of special military operation: Dynamics of changing youth attitudes (in the context of media practices). *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 184–194 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2026-26-2-184-194>, EDN: NEFENU

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Специальная военная операция стала одним из важнейших событий не только текущего десятилетия, но и всей новейшей истории современной России. Она имеет сразу несколько измерений (гуманитарное, социальное, внутри- и внешнеполитическое, идеологическое, мировоззренческое, экономическое, технологическое, сугубо военное и др.), каждое из которых заслуживает отдельного анализа. Возможно, именно комплексный и во многом противоречивый характер данного конфликта является причиной того, что отношение к нему оказалось диаметрально противоположным среди разных стран и даже граждан отдельно взятых государств. Так, например, для части жителей России и Украины начало СВО и последовавшие за этим события послужили поводом для эмиграции.

Довольно значимым социально-политическим аспектом спецоперации считаем отношение к ней российского общества. При этом особенно актуальным нам видится восприятие происходящего молодыми людьми. Не имея богатого жизненного опыта и сравнительно мало интересуясь политикой¹, молодежь зачастую испытывает трудности с тем, чтобы составить собственное, более или менее адекватное реаль-

ности представление о сути и причинах СВО. Между тем трудно не согласиться с тезисом, что сегодня спецоперация является «мощным фактором, конструирующим гражданские ценности молодежи» [1, с. 95]. Получается достаточно странная ситуация: молодые люди не совсем хорошо понимают то, что происходит, но это само по себе уже оказывает существенное воздействие на их политическое сознание.

По мере того как стало понятно, что разрешить конфликт быстро не получится, отечественные ученые начали уделять ему больше внимания. Так, если в 2022 г. научных работ, посвященных отношению молодежи к СВО, было относительно немного (см., например: [2, 3]), то в последующие годы объем исследовательского интереса начал постепенно увеличиваться. В частности, отношение к СВО все чаще анализируется в разрезе электоральных предпочтений молодых людей [4], уровня их патриотизма [5] и доверия к органам власти [6, 7]. Большая часть ученых, изучающих данный сюжет, сходятся во мнении, что спецоперация стала катализатором роста доверия молодых людей к ключевым политическим институтам. При этом высказывается и весьма настораживающее предостережение, что «резкий рост доверия ... в период кризисов может смениться таким же стремительным падением в условиях “нормальности”, когда традиционные проб-

¹ Новостная информация и телевидение. URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/15149> (дата обращения: 29.01.2026).

лемы социально-экономического развития вновь выйдут на первый план формируемой обществом повестки дня» [8, с. 16].

Еще одним сюжетом, достаточно часто привлекающим внимание исследователей, является стресс и беспокойность, которые испытывают многие люди в связи с СВО [9]. Среди прочего отмечается, что молодежь и женщины реагируют на этот конфликт в целом острее, чем люди более старшего возраста и мужчины [10, с. 132]. Сугубо в психологическом же плане «наиболее устойчива к стрессу в ситуации СВО оказывается молодежь с условно адаптивным копингом, ориентированным на активные стратегии и позитивную переоценку, что позволяет им рационально воспринимать ситуацию, видеть ее с разных сторон и выстраивать варианты жизни в данных условиях» [11, с. 195].

В целом же анализ имеющейся литературы дает нам основания утверждать, что, несмотря на рост числа публикаций и расширение спектра затрагиваемых в них вопросов, проблема отношения молодых людей к СВО еще не успела получить должного научного осмысления. До сих пор не до конца понятны причины, по которым отношение молодежи к СВО несколько отличается от того, что характерно для представителей более старших поколений. Не ясны и факторы, которые влияют на изменение восприятия происходящего молодежью. Принимая все это во внимание, целью исследования, результаты которого представлены в данной статье, был анализ динамики отношения молодых людей к спецоперации, выявление обстоятельств, обуславливающих специфику молодежного восприятия продолжающегося конфликта, и поиск путей повышения степени лояльности данной возрастной группы к принимаемым в настоящий момент политическим решениям в рамках СВО.

Эмпирическая база нашего исследования состоит из нескольких частей. Первая – это результаты ежемесячных опросов, проводящихся АНО «Левада-Центр» (признан в России иностранным агентом) с марта 2022 г. В отличие от других федеральных социологических служб, данная структура на всем протяжении СВО использует одни и те же формулировки ключевых для интересующей нас проблематики вопросов, осуществляет подобные замеры каждый месяц и, что самое важное, размещает на своем сайте в открытом доступе результаты с разбивкой

по возрастным группам, что дает возможность узнать мнение по поводу СВО именно молодых респондентов (18–39 лет).

Вторую часть эмпирической базы составляют результаты наших собственных (осуществляемых усилиями преподавателей кафедры политических наук Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского) онлайн-анкетирований. В ноябре 2022, 2023, 2024 и 2025 гг. нами в общей сложности были опрошены 5659 человек в возрасте от 16 до 35 лет, проживающих в 67 субъектах Российской Федерации. Онлайн-анкеты включали в себя по 30 вопросов. При формировании выборочной совокупности использовались квоты по полу, возрасту и месту проживания респондентов. В результате среди опрошенных оказалось 54,5% женщин и 45,5% мужчин; 53,9% из них проживали в центрах субъектов Российской Федерации, 37,3% – в районных центрах, 8,8% – в сельской местности.

После статистической обработки результатов онлайн-анкетирования в программе IBM SPSS Statistics ежегодно возникала потребность в уточнении и конкретизации отдельных моментов. Для этого в декабре 2022, 2023, 2024 и 2025 гг. проводилось по три фокус-группы, участниками которых в общей сложности стали 144 молодых человека (36 в 2022 г., 38 в 2023 г., 36 в 2024 г. и 34 в 2025). Формируя состав участников фокус-групповых интервью, мы также ориентировались на половозрастные характеристики российской молодежи. На фокус-группах респондентам задавались вопросы о мотивах использования ими отдельных информационных источников, а также о причинах сформированного у них отношения к СВО.

Какие из накопленных к сегодняшнему дню результатов опросов представляются нам особенно важными?

Достаточно показательной считаем динамику изменения уровня внимания молодых людей к происходящему в рамках СВО. Для удобства восприятия данные по ежемесячным опросам Левада-Центра мы обобщили по полугодиям (высчитав средние арифметические по месяцам, составляющим каждое из восьми полугодий, на протяжении которых идет СВО) (рис. 1).

Представленные на рис. 1 линии трендов красноречиво свидетельствуют, во-первых, о не самом большом интересе респондентов (в

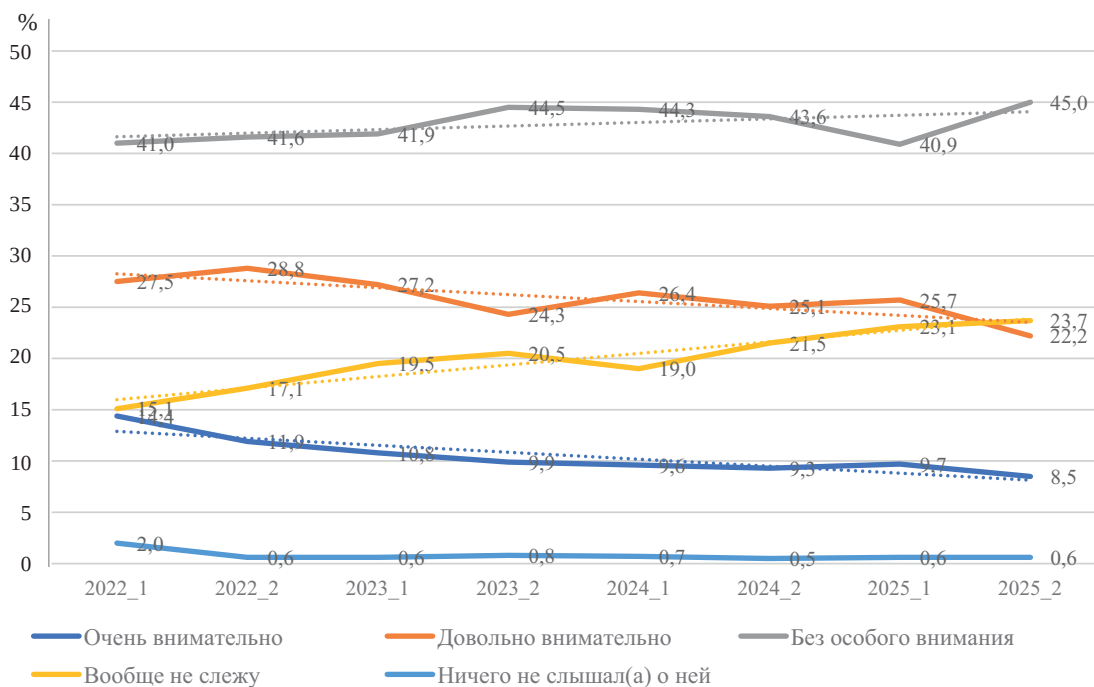

Рис. 1. Уровень внимания к СВО (ответы на вопрос «Следите ли Вы за ситуацией вокруг Украины?»), % опрошенных (цвет онлайн)

опросах Левада-Центра это молодые люди в возрасте 18–39 лет) к происходящему в рамках СВО и, во-вторых, о постепенном снижении объема внимания, уделяемого ими данной теме. Самым частотным форматом наблюдения за конфликтом является «Без особого внимания»; за четыре года проведения спецоперации он демонстрирует тенденцию к росту. Наиболее заметно увеличение доли респондентов, которые вообще не следят за СВО, – с 15,1% в начале кампании до 23,7% во второй половине 2025 г. (в январе 2026 г. так ответили еще больше – 27,5% опрошенных). Как результат, в 2025 г. впервые за время проведения СВО этот вариант обошел по популярности опцию «Довольно внимательно». Наконец, с марта 2022 г. почти на 6,0% (с 14,4% до 8,5%) в среднем снизилось число тех, кто очень внимательно отслеживает события в рамках боевых действий (в январе 2026 г. падение продолжилось – был зафиксирован минимум в 5,0%).

Важно отметить здесь два обстоятельства. Первое: чем старше респондент, тем выше вероятность того, что он будет более внимательно следить за СВО. На всем протяжении конфликта уровень интереса к происходящему со стороны остальных возрастных групп (40–54 и 55+ лет), по данным Левада-Центра, стабильно выше (для сравнения: в январе 2026 г. очень внимательно за событиями в рамках спецоперации следили 13%

40–54-летних и 21% людей старше 55 лет²). Второе: уровень интереса во многом зависит от происходящего на фронтах и вокруг СВО. Скажем, осенью 2022 г. (когда проводились референдумы о вхождении в состав Российской Федерации новых субъектов и была объявлена частичная мобилизация), весной–летом 2023 г. (отражение контрнаступления ВСУ) или в конце лета – осенью 2024 г. (вторжение в Курскую область) даже молодые люди на некоторое время начинали с большим вниманием следить за происходящим.

На декабрьских фокус-группах мы ежегодно пытаемся выяснить причины не самого большого и постепенно угасающего интереса молодежи к СВО. Наиболее типичные ответы условно можно свести к двум формулировкам: «от нас все равно ничего не зависит» и «я уже устал(а) от происходящего – ежедневных сводок о ходе боевых действий, сообщений о разрушениях и жертвах». Кроме того, хотя сами участники фокус-групповых интервью практически никогда об этом не говорят, создается устойчивое впечатление, что большая часть молодых людей не очень хорошо представляют

² Конфликт с Украиной в январе 2026 года: внимание, поддержка российских вооруженных сил и идеи переговоров, представления о том, что делать, если добиться договоренностей не получается, о продолжительности и конечном результате военных действий. URL: <https://www.levada.ru/2026/01/27/konflikt-s-ukrainoj-v-yanvare-2026-goda/> (дата обращения: 28.01.2026).

себе контекст и предысторию данного конфликта, не знают его причин и интересов основных участников противостояния.

Еще один важный показатель отношения молодежи к СВО – это уровень поддержки действий Российской армии (рис. 2).

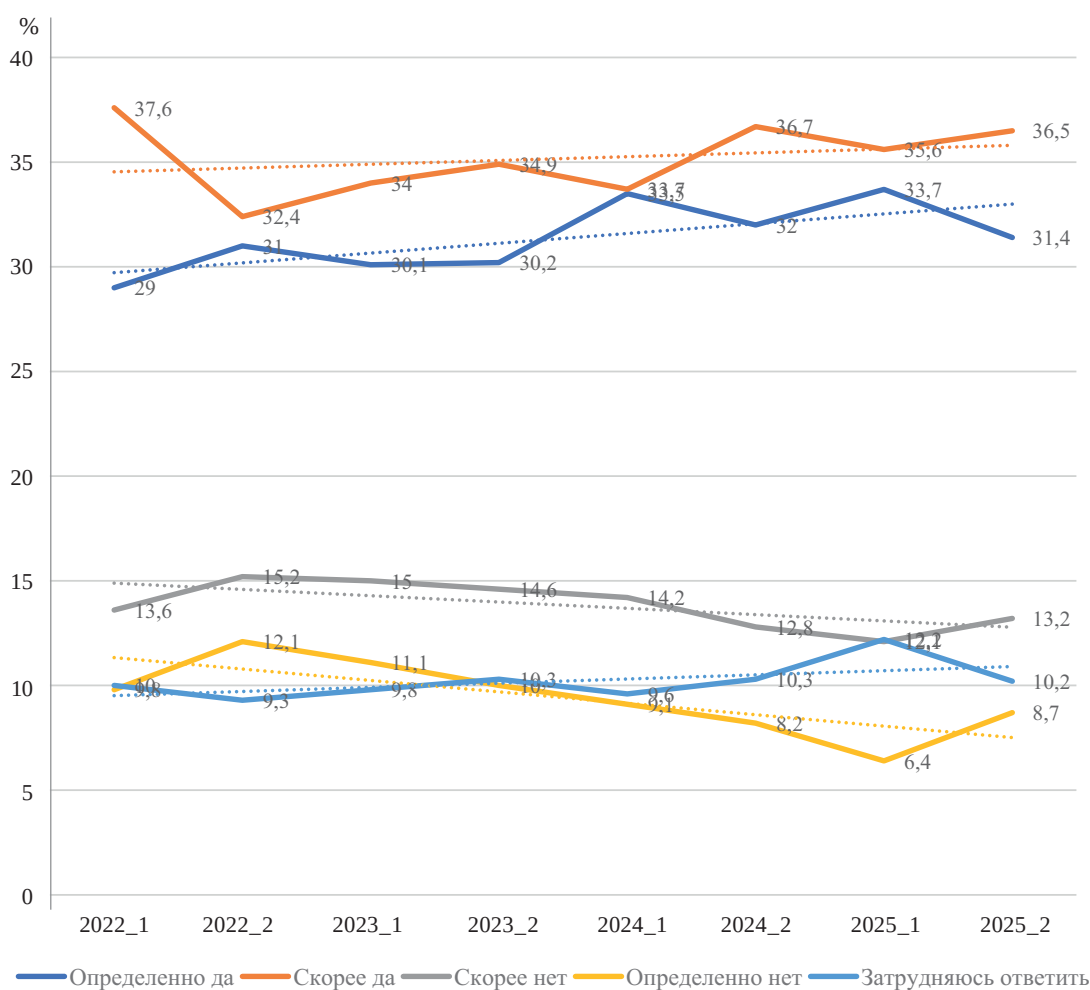

Рис. 2. Уровень поддержки СВО (ответы на вопрос «Вы лично поддерживаете или нет действия российских вооруженных сил в Украине?»), % опрошенных (цвет онлайн)

Как видно из данных, представленных на рис. 2, порядка двух третей опрошенных в большей или меньшей степени поддерживают действия России в данном конфликте. При этом линии трендов демонстрируют едва заметные движения вверх (в случае с поддержкой) и вниз (неодобрение). Любопытно, что в 2023 г. самым непопулярным стал ответ «определенно нет», пропустив вперед опцию «затрудняюсь ответить».

Аналогично объему уделяемого СВО внимания уровень поддержки происходящего среди молодежи заметно ниже, чем у представителей более старших возрастных групп. Так, например, в январе 2026 г. определенно поддерживали действия российских вооруженных сил 29,5%

молодых людей (среднее между категориями 18–24 и 25–39 лет), 46,0% представителей категории 40–54 года и 52,0% тех, кто старше 55 лет³.

По результатам фокус-групповых исследований мы выяснили основные причины подобного расклада мнений. Оказалось, что, несмотря на нахождение значительной части представителей молодого поколения в своих собственных информационных «коконах» или «эхо-камерах», большая часть респондентов действительно поддерживают действия руководства нашей страны в контексте СВО,

³ См.: Конфликт с Украиной в январе 2026 года: внимание, поддержка российских вооруженных сил и идеи переговоров, представления о том, что делать, если добиться договоренностей не получается, о продолжительности и конечном результате военных действий.

а кто-то и вовсе требует применения более решительных мер военного характера. Отвечая на вопрос о причинах поддержки, многие говорят о патриотизме («не могу не поддерживать свою страну»), упоминают различные обстоятельства личного свойства (например, участие в спецоперации родственников или знакомых) или же считают, что только победа России в этом конфликте позволит устранить его причины и наконец прекратить страдания людей, так или иначе вовлеченных в события, связанные с СВО.

Справедливости ради нужно отметить, что, по мнению отдельных ученых, прямой зависимости между уровнем патриотичности молодых людей и их отношением к спецоперации нет: поддерживать или не одобрять СВО могут как те, кто считают себя патриотами, так и те, кто к таковым себя не относят (12, с. 12).

Статистически значимыми являются различия во мнениях молодежи и более возрастных граждан также по поводу перспектив дальнейшего развития ситуации (рис. 3).

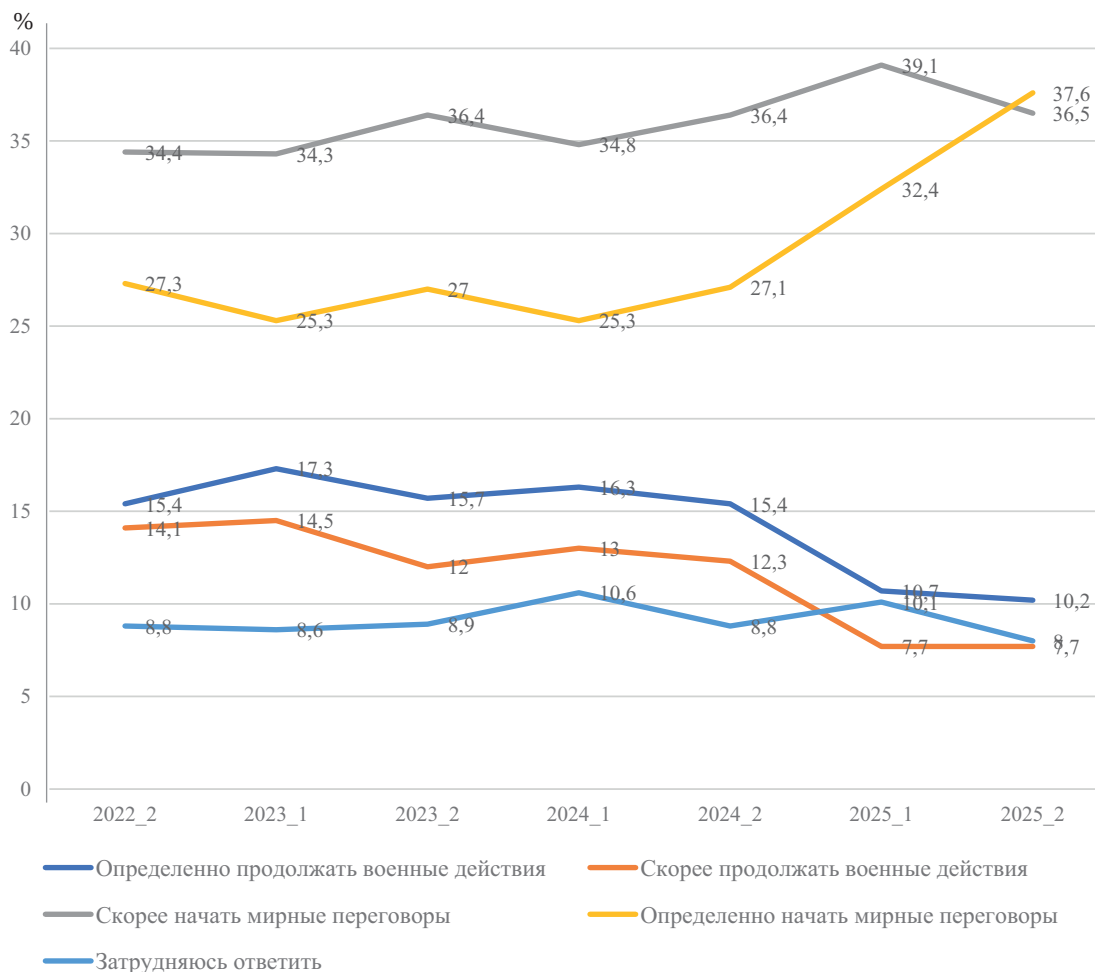

Рис. 3. Мнения о предпочитаемых вариантах дальнейшего развития СВО (ответы на вопрос «Как Вы считаете, сейчас следует продолжать военные действия или начать мирные переговоры?»), % опрошенных (цвет онлайн)

Во второй половине 2025 г. число убежденных сторонников начала переговоров впервые превысило долю тех, кто не так категоричен в своем стремлении к мирному разрешению конфликта, а чуть ранее – на рубеже 2024 и 2025 гг. – затруднившихся ответить на этот вопрос стало больше, чем умеренных приверженцев продолжения боевых действий. Нужно отметить, что постепенный рост миролюбивых

настроений характерен для всех возрастных категорий российских граждан, однако среди молодых людей он выражен особенно явно. Так, например, в январе 2026 г. вариант «определенно продолжать боевые действия» выбрали 20,0% людей в возрасте 40–54 лет, 26,0% тех, кто старше 55, и лишь 8,5% молодежи. Соответственно, среди молодых больше и доля тех, кто в начале 2026 г. в том или ином виде выступал за допол-

нительные уступки Украине ради скорейшего достижения мира, – 30,0% в категории 18–39 лет против 21,0% у 40–54-летних и 14,0% у тех, кто старше 55 лет⁴.

Любопытно, что степень убежденности в необходимости продолжения боевых действий и недопустимости уступок Украине весьма четко коррелирует с предпочитаемыми источниками получения информации. Вероятность того, что человек будет ратовать за мир, достигнутый любыми невоенными средствами, тем ниже, чем больше он смотрит телевизор; и наоборот: использование в качестве основного источника информации социальных сетей, Телеграм- и Ютуб-каналов чаще приводит к желанию завершить спецоперацию во что бы то ни стало⁵.

Связываем это с тем, что, во-первых, в интернет-пространстве позиция официальных властей представлена не так концентрированно, как в традиционных СМИ, и, во-вторых, в Сети значительно легче найти альтернативные оценки и взгляды на происходящее. Как следствие, молодежь, которая в подавляющем большинстве использует для получения информации о происходящем прежде всего Интернет, стано-

вится менее подверженной медийным нарративам и фреймам, транслируемым государством. Отсюда и сравнительно меньший уровень поддержки действий российских вооруженных сил в рамках СВО, и большее желание как можно скорее завершить конфликт, пусть и ценой уступок противнику.

На фокус-группах в ответ на наши вопросы о причинах, побуждающих молодых людей выступать за скорейшее заключение мира, нередко приходилось слышать о все той же усталости от конфликта, боязни быть непосредственно (или на уровне родственников и друзей) в него вовлеченными, а также о нежелании нести связанные с проведением спецоперации издержки (чаще всего респонденты упоминают снижение доступности зарубежных товаров, уход ряда иностранных компаний из страны, трудности с посещением отдельных стран и т.д.). При этом стратегические интересы нашей страны и русскоязычных граждан Украины, ради защиты которых СВО, собственно, и началась, многих представителей молодого поколения, к сожалению, либо оставляют равнодушными, либо же они вообще не в полной мере это осознают.

В этой связи в рамках своего собственного онлайн-анкетирования мы ежегодно задаем респондентам закрытый вопрос об их понимании причин начала СВО (табл. 1).

Таблица 1

Представления о причинах СВО (ответы на вопрос «Как Вы считаете, каковы основные причины начала специальной военной операции на Украине?»; можно было выбрать не более трех вариантов ответа, %

Основные причины	2022 г.	2023 г.	2024 г.	2025 г.
1. Защита границ Российской Федерации от распространения влияния НАТО, размещения новых военных баз близ территории РФ	52,6	52,1	54,8	44,0
2. Защита населения ЛДНР, прекращение войны и принуждение к миру	45,2	39,2	38,8	41,5
3. Украина представляла реальную угрозу для безопасности Российской Федерации, они хотели напасть на РФ, а также получить ядерное оружие	19,8	22,9	21,2	17,7
4. Изменение политического курса Украины, денацификация	19,0	13,0	16,5	13,5
5. Стремление присоединить некоторые территории Украины или тотальное присоединение Украины к территории РФ	16,6	11,7	12,3	9,9
6. Установление марионеточного (зависимого) правительства на территории Украины	14,2	9,0	9,9	7,9
7. Повышение рейтингов государственной власти, в частности Президента РФ, в результате маленькой победоносной войны	13,6	8,6	7,7	7,4
8. Иные корыстные политические и экономические мотивы государственной власти РФ	12,8	9,6	8,4	6,8
9. Затрудняюсь ответить	20,1	24,9	27,3	27,6

Динамика изменения представлений молодых людей о том, что привело к спецоперации, на наш взгляд, весьма показательна. В первую очередь, обращает на себя внимание тот факт, что в целом – несмотря на отмеченную выше специфику молодежного медиапотребления – респонденты разделяют преобладающие в российском информационном пространстве идеи о вынужденном характере СВО (как ответ на внешние угрозы, которые создавались для России и русскоязычных граждан юго-востока Украины). Десятипроцентное падение популярности в 2025 г. самого частотного ответа («Защита границ Российской Федерации от распространения влияния НАТО, размещения новых военных баз близ территории РФ»), скорее всего, стало следствием значительного увеличения в выборке доли респондентов из новых регионов, которые в феврале 2022 г. еще не были гражданами России и потому воспринимают причины начала спецоперации несколько иначе.

Кроме этого, заметно также и небольшое снижение доли ответов, которые идут вразрез с официальной позицией российской власти (см. табл. 1, варианты 5–8). Причем особенно

очевидным этот спад был в период с 2022 по 2023 г. Вместе с тем год от года неуклонно растет число молодых людей, затрудняющихся выбрать один из предложенных им ответов. Нам это показалось весьма странным: казалось бы, СВО длится уже четыре года, а людей, которые не могут понять ее причины, становится больше. Поэтому на фокус-группах, проводившихся в декабре 2024 и 2025 гг., мы интересовались у респондентов тем, что мешает им в этом разобраться. Нужно сказать, что это один из немногих сюжетов, по которому нам пока не удалось выявить более или менее типичных объяснений отдельных аспектов молодежного восприятия СВО. Многие участники фокус-групповых интервью просто не могут внятно сформулировать причины испытываемых затруднений. Кто-то говорит, что тема спецоперации его, в принципе, мало интересует и потому однозначно ответить сложно. Часть же респондентов (очень незначительная) выдвигает собственные версии, которые, как правило, не имеют прямого отношения к сути продолжающегося конфликта.

Еще более сложным для участников нашего онлайн-анкетирования оказался вопрос о виновниках конфликта (табл. 2).

Таблица 2

Представления о виновниках конфликта (ответы на вопрос «Кто, по Вашему мнению, является ответственным за начало конфликта на Украине?»), %

Виновник конфликта	2022 г.	2023 г.	2024 г.	2025 г.
США	15,3	14,0	15,6	5,4
Западные страны совместно с США (блок НАТО)	46,4	27,7	27,7	26,6
Украина	11,3	13,3	22,3	17,2
Россия	21,1	7,3	9,6	7,3
Луганская и Донецкая народные республики	0,6	1,0	1,8	0,8
Все вышеперечисленное (вариант использовался в опросах 2022 и 2023 гг.)	4,4	1,6	–	–
Другое (вариант использовался в опросах 2022 и 2025 гг.)	0,9	–	–	7,3
Затрудняюсь ответить (вариант использовался в опросах 2023–2025 гг.)	–	35,1	23,0	35,4

Как видим, около 35,0% респондентов снова затруднились с ответом на закрытый (!) вопрос. При этом попытки уточнить этот момент в ходе фокус-групп дали примерно тот же результат, что и в случае с предыдущим вопросом. И это окончательно убедило нас в том, что поиск мотивов того, почему значительная доля молодых людей затрудняются с определением своего отношения к причинам и виновникам СВО,

является одним из перспективных направлений дальнейшего анализа данной проблематики.

Если анализировать расклад мнений тех, кто все же выбрал один из предложенных вариантов виновников конфликта, то снова налицо совпадение мнений большинства респондентов с официальной позицией, транслируемой на этот счет российским руководством. Обращает на себя внимание лишь резкое снижение в

2025 г. доли тех, кто обвиняет в происходящем США. На прошедших в декабре того же года фокус-группах мы попытались выяснить, с чем это может быть связано. Оказалось, что весьма внушительная часть молодых людей попала под влияние информации об активизировавшихся во второй половине 2025 г. усилиях американского президента Д. Трампа по урегулированию российско-украинских противоречий. Многие посчитали, что связанные с переговорным треком события являются проявлением искреннего желания американской политической элиты положить конец боевым действиям и на основании этого изменили свое изначальное мнение в отношении ее роли в эскалации конфликта. На даже несмотря на это, показательно, что на протяжении последних трех лет практически неизменной остается доля респондентов, обвиняющих в провоцировании вражды между Россией и Украиной в первую очередь «западные страны совместно с США».

Таковы основные грани отношения современной российской молодежи к спецоперации. Очевидно, что уровень ее интереса к происходящему ощутимо меньше, чем у людей более зрелого возраста, и к тому же имеет тенденцию к снижению. Молодые люди в целом одобряют действия российских вооруженных сил, но опять же объем этой поддержки относительно других возрастных групп меньше. Что же касается предпочитаемых вариантов дальнейшего развития ситуации, то число сторонников мирных переговоров среди молодежи, напротив, больше, чем в среднем по населению. Большая часть граждан до 39 лет в целом солидаризируется с официальной позицией российской власти в отношении причин и виновников разгоревшегося конфликта, однако год от года растет доля тех, кто затрудняется сформулировать свое мнение на этот счет.

Какими могут быть причины такого весьма специфичного восприятия СВО молодежью? На наш взгляд, их несколько. Одна из основных – достаточно глубокое проникновение в ткань российского общества сугубо западных ценностей индивидуализма, ничем не ограниченной свободы, безусловного приоритета материального над духовным. На определенном этапе это усугубилось кризисом образования в стране и фактическим демонтажом (в самом лучшем

случае – тотальной деидеологизацией) системы патриотического воспитания молодого поколения. Отсюда характерное для значительной части молодых людей плохое знание истории своей страны (в том числе новейшей – в части причин и особенностей распада СССР), а также непонимание текущего этапа ее развития. Именно поэтому, на наш взгляд, многие из них искренне не понимают, зачем вдруг России понадобилось начинать СВО и почему они должны мириться с теми трудностями, которые возникли после этого. Защита собственного суверенитета, национальные интересы страны, общее историческое прошлое, братские народы, борьба против возрождающегося нацизма, языковой и религиозной дискриминации – все эти и многие другие понятия, как правило, хорошо знакомы и понятны людям среднего и старшего возраста, но плохо резонируют с мироощущением молодых граждан нашей страны.

Свою роль играют также особенности медиапотребления молодежи. Получая информацию о происходящем практически только из интернет-ресурсов, «цифровые аборигены» формируют свои повестки во многом самостоятельно, постепенно исключая из своей медийной «диеты» все, что не укладывается в их собственные представления о правильном и должном. Таким образом, молодые люди все больше дистанцируются от тех нарративов, которые запускаются государством и циркулируют преимущественно в традиционных СМИ.

Выявленные нами случаи совпадения молодежных представлений с официальной позицией власти (в отношении причин и виновников конфликта) не опровергают сказанное выше, а свидетельствуют о другом. Полагаем, что такой эффект достигается благодаря не медийным, а скорее образовательным усилиям, предпринимаемым руководством страны. Наш собственный опыт взаимодействия с молодыми людьми, а также общения с учителями и преподавателями, ведущими «Разговоры о важном» в школах и «Основы российской государственности» в вузах, убеждают нас в том, что регулярное информирование подрастающего поколения о происходящем и обсуждение наиболее актуальных событий и процессов постепенно начинает давать свои результаты – школьники и студенты как ми-

нимум получают еще один источник информации, в значительной мере альтернативный тем, которые они используют в Интернете. Как максимум же со временем многие из них начинают считать его достаточно надежным и потому впитывают те идеи и оценки, которые тиражирует государственная власть.

О важности системной воспитательной и в каком-то смысле даже просветительской работы с молодыми людьми пишут и другие ученые [6, 13, 14]. Заметим лишь, что эта деятельность непременно должна сопровождаться наращиванием интенсивности и эффективности присутствия государства в новых медиа – там, где современная молодежь проводит значительную часть своего времени. Если усилия государственных структур по продвижению своей позиции в отношении происходящего по-прежнему будут фокусироваться на телевидении, радио и печатной прессе, молодежь так и будет оставаться для действующей власти «вне зоны доступа».

Более того, результаты наших собственных опросов дают основания считать, что прогосударственные блогеры и телеграм-каналы вряд ли вызовут у молодежи какое-либо серьезное отторжение. В ноябре 2025 г. ответы на вопрос «Каким источникам информации о происходящем в стране и мире Вы доверяете больше?» распределились следующим образом: «лояльным действующей власти» – 18,5%; «оппозиционно настроенным» – 4,3%; «трудно ответить однозначно: это зависит от тематики информации, ее доступности и других факторов» – 61,6% и «не обращаю особого внимания на отношение источника информации к власти» – 15,6%. Как видим, для большей части респондентов этот момент не является очень принципиальным.

Таким образом, можно сказать, что изменение отношения молодежи к СВО вполне реально. У государства есть для этого целый ряд возможностей и аргументов. Вопрос лишь в том, сможет ли оно ими в полной мере воспользоваться.

Список литературы

1. Яковлев В. С. Гражданские ценности и установки российской молодежи в новых социально-территориальных условиях // Гуманитарий Юга России. 2023. № 12 (6). С. 95–105. <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2023.6.7>, EDN: EAZEZR
2. Зарубина Е. В. Отношение молодежи к СВО: опыт социологического исследования // Социально-гуманитарное образование и современность : материалы Всерос. нац. науч.-практ. конф., посвященной 70-летию профессора С. Н. Некрасова (Екатеринбург, 13 октября 2022 г.). Екатеринбург : Изд-во Уральского гос. аграрного ун-та, 2022. С. 91–97. EDN: OGPGBX
3. Кулешова А. В. Поляризация взглядов по ключевым вопросам среди сторонников и противников СВО // Социодиггер. 2022. № 7 (19). С. 30–34. EDN: YNTQDC
4. Матюхин А. В., Давыдова Ю. А., Денисенкова Н. Н. Влияние политической повестки СВО на электоральные предпочтения в России // Журнал политических исследований. 2025. № 9 (3). С. 3–16. <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2025-9-3-3-16>, EDN: BWWTVW
5. Черкасова Т. В., Шевалдина Е. И., Величко И. А. Вузовская молодежь – 2022: проблемы, вызовы времени, региональные исследования на этапе СВО. Уфа : Уфимский гос. нефт. техн. ун-т, 2023. 75 с.
6. Устинкин С. В., Никитин, А. В. Проблема доверия молодежи к общественным и государственным институтам в контексте проведения специальной военной операции (СВО) // Технологии социально-гуманитарных исследований. 2023. № 4. С. 32–52. EDN: CFBXOY
7. Стасюк Е. В. Особенности самоидентификации молодежи Хабаровского края в условиях специальной военной операции // Власть и управление на Востоке России. 2023. № 4 (105). С. 218–230. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-105-4-218-230>, EDN: IGGRNM
8. Морозов С. И., Макаренко К. М. Доверие современной российской молодежи политическим институтам в условиях кризисных потрясений // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2023. Т. 28, № 3. С. 16–28. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.3.2>, EDN: TPVMWA
9. Киенко Т. С. Проблема диалога поколений в контексте обсуждения социально-политической ситуации в России и оценки специальной военной операции // Культурное наследие и связь поколений / под общ. ред. З. Х. Саралиевой. Нижний Новгород : Изд-во ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2023. С. 303–313. EDN: SWRXZC
10. Гордеева Е. И., Саунин К. А. Информационный стресс у гражданского населения в условиях СВО // Условия успешной социализации детей и молодежи: перспективные исследования будущих педагогов-психологов, социальных педагогов и социальных работников : материалы Междунар. науч.-практ.

- конф. (Минск, 12 апреля 2023 г.) : в 2 ч. Минск : БГПУ, 2023. Ч. 1. С. 132–138. EDN: ZEOLLR
11. Самохвалова А. Г., Тихомирова Е. В., Екимчик О. А., Сапоровская М. В. Копинг-стратегии и жизнестойкость российской молодежи в социокультурном контексте «новых войн» // Российский психологический журнал. 2025. Т. 22, № 1. С. 195–222. <https://doi.org/10.21702/de293d90>, EDN: ZIXHTV
 12. Кудинов С. И., Кудинов С. С., Кудинова С. С. Особенности проявления патриотичности у студентов с разным отношением к специальной военной операции // Психолог. 2023. № 2. С. 1–13. <https://doi.org/10.25136/2409-8701.2023.2.39910>, EDN: JKLLHE
 13. Труханов В. А. Патриотическая составляющая в политическом сознании молодежи: на примере СВО // Военная политология в системе подготовки научных и научно-педагогических кадров: актуализация содержания на основе опыта специальной военной операции : материалы межведомственной науч.-практ. конф. (Москва, 9 апреля 2025 г.). М. : Военный ун-т им. князя Александра Невского, 2025. С. 138–142. EDN: MSLBIQ
 14. Дамбегов А. А., Яковлев В. С. Факторы формирования гражданских ценностей российской молодежи в условиях современных реалий // Социально-гуманитарные знания. 2024. № 12. С. 199–203. EDN: JNPMRY

Поступила в редакцию 30.01.2026; одобрена после рецензирования 10.02.2026; принята к публикации 20.02.2026
The article was submitted 30.01.2026; approved after reviewing 10.02.2026; accepted for publication 20.02.2026